

А. Е. Шаститко

Конкуренция и антимонопольная политика в неоавстрийской теории⁵²

Первый вариант этой статьи был опубликован в журнале «Экономическая политика». 2008. № 2. С. 107–126.

В статье излагается неоавстрийский подход к изучению проблем конкуренции и антимонопольной политики в контексте взаимодействия с другими исследовательскими программами в рамках экономической теории. Раскрываются взаимосвязи между конкуренцией, с одной стороны, и базовыми концепциями неоавстрийской теории — неосведомленностью, неявным знанием, неравновесием, монополией, нововведениями, предпринимательством — с другой. Показаны особенности оценки концептуальных оснований и возможностей антимонопольной политики в рамках неоавстрийского подхода в зависимости от понимания природы конкуренции. Рассмотрены некоторые аспекты применения антимонопольного законодательства через призму различий неоавстрийского видения экономической политики вообще и антимонопольной политики в частности с другими концепциями как в рамках неоклассического подхода, так и в рамках новой институциональной теории.

Введение

Неоавстрийская традиция — неортодоксальное направление экономических исследований, в рамках которого конкуренции и ее роли в экономическом развитии отводится приоритетное место. Вместе с тем именно это направление экономической мысли наиболее последовательно и жестко выступает с критикой антимонопольной политики в целом⁵³. Уже этой бросающейся в глаза особенности достаточно для того, чтобы анализ неоавстрийских представлений о конкуренции стал интересным и важным для современных экономистов. Другая причина обращения к неоавстрийской теории — неудовлетворенность многих экономистов неоклассическими представлениями (даже значительно модифицированными, в том числе в результате процессов «неоклассического обволакивания» по Автономову⁵⁴) в качестве основы решения конкретных экономи-

⁵² Автор выражает искреннюю признательность доктору экономических наук, профессору Светлане Борисовне Авдашевой за конструктивные замечания и предложения, высказанные в ходе работы над статьей, которые позволили усилить представленную в ней аргументацию.

⁵³ См.: Арментано Д. Антитраст против конкуренции. М: ИРИСЭН, 2005; Boudreaux D., DiLorenzo T. The Protectionist Roots of Antitrust // The Review of Austrian Economics. 1993. Vol. 6. No 2. P. 81–96; DiLorenzo T. The Origins of Antitrust Rhetoric vs Reality // Regulation. 1990. Vol. 13. No 3. См. также: [<http://www.cato.org/pubs/regulation/regv13n3/reg13n3-dilorenzo.html>].

⁵⁴ Автономов В. Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука, 1993. С. 64.

ческих проблем, в том числе разработки и применения норм антимонопольного законодательства.

Подобная неудовлетворенность опасна возможностью разрыва между разными экономическими концепциями (независимо от их принадлежности к конкретной школе), с одной стороны, и экономической политикой — с другой. Для того чтобы предотвратить эту опасность, необходимо наладить диалог между представителями разных экономических школ, в том числе и дискуссии. При этом сами дискуссии требуют лучшего понимания оппонентов и их аргументации. Однако, принадлежа к разным школам, оппоненты зачастую пользуются одними и теми же словами, вкладывая в них при этом принципиально разное содержание. Способствовать взаимному пониманию — в том числе для отделения реального несогласия от мнимого — одна из основных задач данной статьи.

Неоавстрийская концепция конкуренции и ее приложения для экономической политики опираются как на общепринятые в экономической теории концепции — рынок, равновесие, прибыль, поиск информации, — так и на специфические для неоавстрийской школы — открытие, неосведомленность, предприниматель, знание. Однако особенность неоавстрийской школы состоит не только в использовании специфического инструментария, но и в особом понимании конструкций, обозначения которых широко используются в рамках других исследовательских традиций. Это относится как к неоклассической, так и к новой институциональной традиции. Вспомним широко известные примеры. Если в неоклассическом представлении равновесие — это состояние, при котором участники сделки не обладают стимулами к пересмотру сделанного выбора, то для представителей неоавстрийского направления главная характеристика равновесия — полнота учета альтернативных возможностей использования доступных ресурсов. Если в неоавстрийском понимании альтернативные издержки субъективны и тем самым плохо поддаются сопоставлению, то в неоклассическом подходе те же альтернативные издержки объективированы на уровне индивидуального выбора (это необходимая черта, в частности, неоклассической теории фирмы). Другой пример — понятие «предприниматель», которое в неоклассической версии практически ничем не отличается от менеджера или собственников других типов ресурсов, а в неоавстрийской теории — центральная фигура, с помощью которой происходит развитие экономической системы, принципиально отличающаяся от владельцев других ресурсов.

В данной статье предполагается обсудить комплекс вопросов, связанных с пониманием содержания конкуренции в рамках неоавстрийской традиции, соотношения конкуренции с неосведомленностью, знанием (в первую очередь, неявным), равновесием, предпринимательством, монополией. Специально будет рассмотрен вопрос о понимании неоавстрийцами антимонопольной политики в контексте эволюции антимонопольного законодательства и накопления опыта применения его норм.

В задачу данной статьи не входит даже краткое изложение неоавстрийской теории как таковой⁵⁵, поскольку это предмет глубокого специального исследования. Неоавстрийская теория будет рассматриваться глазами конкурентов, а не последователей. Для анализа неоавстрийской теории не «изнутри», а «со стороны» мы будем опираться преимущественно на новую институциональную экономическую теорию, конкретно — на исследовательскую традицию, берущую начало от Оливера Уильямсона⁵⁶.

Почему в качестве эталона для сравнения выбрана новая институциональная, а не неоклассическая традиция? Этому по крайней мере две причины. Во-первых, в самой неоавстрийской литературе противостояние неоклассике занимает центральное место в решении вопроса о позиционировании данного направления на «рынке экономических концепций»⁵⁷. По этой причине сопоставление неоавстрийцев с неоклассиками проводилось многократно. Во-вторых, по отношению к неоклассике новый институционализм претендует на то же место — место школы, восполняющей недостатки и слабости неоклассического подхода. Вот почему интересно сопоставить взгляды неоавстрийцев и новых институционалистов как два альтернативных ответа на те вопросы, которые слабо решены в неоклассической теории.

Представление концепции конкуренции неоавстрийской школы в контексте трехуровневой схемы Уильямсона «индивид — институциональные соглашения — институциональная среда»⁵⁸ позволит сравнить два направления в экономической теории, претендующих на роль альтернативы неоклассике в части объяснения экономического развития. Мы сможем увидеть основания как сильных, так и слабых сторон неоавстрийского подхода к изучению проблем конкуренции и конкурентной политики. Таким образом, главная цель работы — показать сходство и принципиальное различие двух альтернативных ответов на вызовы неоклассики.

⁵⁵ Для читателя, желающего более подробно ознакомиться с различными аспектами неоавстрийской теории и ее методологии, можно порекомендовать ряд обзорных работ, в числе которых [Caldwell B., Boehm S. Austrian economics: Tensions and new directions. Boston: Kluwer Academic Pub., 1992; Littlechild S. C. Austrian economics. Vol. 1. History and methodology. Vol. II. Money and capital. Vol. III. Market process. Aldershot: Edward Elgar, 1990; Vaughn K. I. Austrian economics in America: The migration of a tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994].

⁵⁶ См., например, Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996; Menard C. A. New Institutional Economics of Organization. In: Handbook of New Institutional Economics. C. Menard and M. Shirley (eds), Springer, Netherlands. 2005. P. 281–318; Williamson O. Mechanisms of Governance. New York: Oxford University Press, 1996.

⁵⁷ См.: Арментано Д. Антитраст против конкуренции. М: ИРИСЭН, 2005; Новиков В. Влияние российского антимонопольного законодательства на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 33–48; Amendola M., Gaffard J. L., Musso P. Innovation and Competition: The Role of Finance Constraints in a Duopoly Case // The Review of Austrian Economics. 2003. Vol. 16. No 2–3. P. 183–204; Boettke P., Horowitz S., Prychitko D. Beyond Equilibrium Economics // Market Process. Vol. 4. No 2. P. 6–9, 20. 1986; Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. Vol. 35. No 1. Mar., 1997. P. 60–85.

⁵⁸ Описание схемы см., например, [Williamson O. Hierarchies, Markets and power in the Economy: An Economic Perspective // Industrial and Corporate Change. 1995. Vol. 4. No 5. P. 28].

Логика статьи подчинена этому подходу. Первый параграф посвящен рабочему определению конкуренции в рамках неоавстрийской исследовательской традиции. Последующие три параграфа отражают схему Уильямсона: второй посвящен различным аспектам индивидуального выбора, третий — взаимодействию людей на рынке, четвертый — институциональной среде и ее влиянию на институциональные соглашения, соответствующие различным вариантам (механизмам) адаптации акторов к изменяющимся обстоятельствам. В пятом разделе представлены некоторые аспекты дискуссий по проблемам конкуренции и конкурентной политики в контексте развития теории отраслевых рынков (Industrial Organization) как непосредственной теоретической основы применения антимонопольного законодательства. Заключение содержит ряд основных выводов об особенностях неоавстрийского подхода в контексте сравнения с новым институционализмом и неоклассикой, а также о методологических проблемах сравнительного анализа подходов к изучению проблем конкуренции разными исследовательскими программами.

Рабочее определение конкуренции неоавстрийской школой

В рамках неоавстрийской исследовательской традиции конкуренция (конкурентный порядок) — это процесс открытия новых возможностей использования известных ресурсов и новых ресурсов посредством использования предпринимателями своих преимуществ в бдительности (alertness). Это определение известно многим экономистам, и оно выглядит вполне естественно — однако от этого не становится более простым. В этом определении совмещены два тесно взаимосвязанных понятия, в которых нашли отражение взгляды основателей неоавстрийского направления в экономической теории Фридриха фон Хайека и Людвиг фон Мизеса: конкуренция и предпринимательство⁵⁹, получившие развитие в работах современного классика неоавстрийства Израэля Кирцнера и многих других авторов, включая Доминика Арментано, Питера Боуттке, Людвиг Лахмана, Ричарда Ланглоа, Джеральда О’Дрисколла, Мюррея Ротбада.

Конкуренция включает действия людей, направленные на такое опережение своих конкурентов для достижения частной цели, которое зависит от выбора контрагентов по экономическим обменам. Причем поведение контрагентов оказывает значительное влияние на содержание конкуренции как процесса⁶⁰. Соответственно указанные действия ограничивают возможности достижения

⁵⁹ Мизес Л. Человеческое действие. Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000; Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // МЭиМО. 1989. № 12; Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. Vol. 35. No 1. Mar., 1997. P. 60–85.

⁶⁰ Не случайно, как будет показано далее, неоавстрийцы видят предпринимательский элемент во всех группах экономических субъектов, включая потребителей.

частных целей другими действующими лицами. Бросающееся в глаза противоречие между свободной конкуренцией и теми ограничениями, которые налагают действия других лиц отражает многовековую философскую и теологическую проблему свободы воли (свободы выбора) против предопределения.

Подобная проблема возникает и в связи с центральной концепцией институциональной теории — правами собственности. Известно, что основанием внешних эффектов является неспецифицированность прав собственности, а также ограничения на возможность обмениваться указанными правами⁶¹, что создает положительные трансакционные издержки в соответствующих измерениях экономических обменов. Наиболее известный пример перекрестного отрицательного внешнего эффекта — использование ограниченного ресурса в режиме свободного доступа, когда краткосрочным результатом является сверхиспользование, сопряженное с рассеиванием потока дохода от этого ресурса⁶². Означает ли наличие внешних эффектов автоматически неэффективность размещения ресурсов и ущерб для общественного благосостояния? В действительности вовсе нет. Например, участники конкурентного процесса действуют в ситуации перекрестных отрицательных внешних эффектов, обусловленных тем, что ни один из них не является обладателем исключительных прав (как де-юре, так и де-факто) на установление цены, которая бы обеспечивала продавцу положительную прибыль. Если же участники конкуренции вступают в сговор, происходит интернализация внешнего эффекта, возникают своеобразные коллективные права на уровень цены (в условиях затрудненного входа на рынок) при условии ограничения индивидуальных прав каждого из участников сговора снижать цену, что вместе с тем означает утрату потребителями чистого выигрыша от обмена по сравнению с условиями конкуренции и сопровождается снижением общественного благосостояния. Таким образом, спецификация и закрепление прав собственности далеко не всегда являются условием наибольшего благосостояния; точно так же обстоит дело и с устранением ограничений для конкуренции со стороны других лиц.

Определение конкуренции, как и других базовых для экономической школы понятий, предполагает компромисс между операциональностью определения и степенью его общности. В таком контексте наиболее общим можно считать мировоззренческое определение социальной (в отличие от биологической) конкуренции, предложенное Людвигом фон Мизесом в классической для неоавстрийцев работе «Человеческое действие»: стремление индивидов занять наиболее благоприятное положение в системе общественного сотрудничества, которое в рыночной экономике принимает форму каталлактической конкуренции

⁶¹ Если общепринятое определение внешнего эффекта — издержки и выгоды, не отраженные в системе цен, то с учетом других существенных аспектов координации действий экономических агентов — издержки и выгоды, не отраженные в условиях контрактов (соглашений).

⁶² См.: *Штаутко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2002. 3-е изд.

и выражается в стремлении продавцов превзойти друг друга, предлагая лучшие и более дешевые товары, а покупателей — более высокие цены⁶³.

Представители неоавстрийской школы считают главным своим преимуществом перед неоклассиками представление конкуренции не как условия или результата — статических характеристик, — а как процесса. Процессный подход к определению конкуренции предполагает необходимость четкого разграничения условий и результата конкуренции. На первый взгляд результат и условие — разные вещи. С этой точки зрения неоклассическая теория определяет условия конкуренции как характеристики рынка (вспомним широко известные характеристики конкурентного рынка с точки зрения числа продавцов, условий входа и выхода, отличия продуктов, распределения информации), а результаты конкуренции — как равновесные цены и количество. В то же время ввиду отсутствия в неоклассическом подходе индивидуального выбора как *процесса* разграничение между условиями и результатами в исследованиях, основанных на предпосылке о полной рациональности, также относительно. Вместо процесса неоклассическая теория дает две формы представления его результатов — сингулярную и дескриптивную. Сингулярная форма представлена в виде оптимальной корзины для потребителя или производственного плана в разрезе отдельных продуктов для производителей. В свою очередь, дескриптивная форма представления результатов формулируется в терминах ограничений и целевой функции, что соответствует условиям оптимизационной задачи на максимизацию полезности или минимизацию издержек (максимизацию прибыли). Взаимосвязь между двумя формами представления результатов — цепочка формальных преобразований, не имеющая прямого отношения собственно к процессу принятия решений действующим лицом. В этом, кстати, корень различия между инструментальной и функциональной рациональностью. Вот почему неоавстрийцы вполне резонно видят конкуренцию в интерпретации неоклассиков в терминах равновесия, исключительно как определенное состояние дел⁶⁴.

Интересно отметить, что в новом российском Федеральном законе «О защите конкуренции», который был принят в 2006 году⁶⁵, дано определение конкуренции, которое фактически отражает попытку совместить оба подхода — неоклассический и неоавстрийский, то есть подход со стороны условий конкуренции и со стороны конкуренции как процесса. В статье 4 Федерального закона конкуренция определяется как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на об-

⁶³ *Mises L.* Человеческое действие. Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. С. 259.

⁶⁴ *Amendola M., Gaffard J. L., Musso P.* Innovation and Competition: The Role of Finance Constraints in a Duopoly Case // *The Review of Austrian Economics*. 2003. Vol. 16. No 2–3. P. 183–204.

⁶⁵ До 2006 года применялись два закона — «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг». В июле 2006 года принят новый Закон — от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

шие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Семантически процессный компонент связан с соперничеством, тогда как компонент условий конкуренции — с невозможностью в одностороннем порядке влиять на общие условия обращения товаров, благодаря определенной структуре рынка.

Сингулярное определение конкуренции как таковое совершенно недостаточно для того, чтобы получить представление о концепции конкуренции в неоавстрийской школе и тем более показать и объяснить отношение неоавстрийцев к конкурентной политике вообще и антимонопольному регулированию в частности. Вот почему представленное выше сингулярное определение конкуренции в последующих разделах будет дополнено дескриптивным, раскрывающим связи с другими ключевыми для неоавстрийской исследовательской традиции аналитическими конструкциями.

В завершение данной части отметим, что сингулярное определение конкуренции в рамках неоавстрийского подхода содержит в неявном виде ряд аспектов, определяющих программу дальнейшего изложения — как связан данный процесс со знанием и неосведомленностью, рациональностью выбора и неявным знанием, равновесием (неравновесием) и монополией, функцией предпринимателя и результатом ее выполнения. Наконец, как представленное понимание конкуренции обуславливает набор нормативных выводов относительно политики в сфере защиты конкуренции.

Конкуренция в контексте индивидуального выбора

Конкуренция, неосведомленность и знание

Фундаментальность роли знания в австрийской теории объясняет значение статей, опубликованных Хайеком в 1937⁶⁶ и 1945⁶⁷ годах, которые были посвящены экономическим аспектам использования знания в обществе. Данный вопрос в более широком контексте рассматривался Хайеком и в его Нобелевской лекции в 1974 году⁶⁸.

По Хайеку, значение знания состоит в том, что его приращение путем получения информации и последующее использование позволяют адаптироваться действующим лицам — а в конечном счете и экономике в целом, — к непрерывно изменяющимся обстоятельствам, возможностям использования ограниченных ресурсов, что и представляет собой важное свойство рыночного процесса. Чем лучше используется экономически значимое знание, тем лучше могут быть

⁶⁶ Весьма примечательное совпадение: публикация статьи в один и тот же год со статьей Рональда Коуза «Природа фирмы» с чем-то похожей судьбой — забвение на многие годы с последующим активным если и не использованием, то цитированием.

⁶⁷ *Hayek F. Economics and Knowledge // Economica. 1937. Vol. 4. P. 33–54; Hayek F. The Use of Knowledge in Society // American Economic Review. 1945. Vol. 20. P. 231–259.*

⁶⁸ *Hayek F. The Pretence of Knowledge. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. Prize Lecture. Lecture to the memory of Alfred Nobel. December 11. 1974.*

согласованы частные планы и действия экономических агентов, тем лучше результаты функционирования и развития экономики.

Знание, по Хайеку, для каждого экономического агента не является полным, что соответствует положению о неосведомленности действующих лиц и отчасти тезису об ограниченной рациональности в рамках нового институционального подхода. Обратной стороной проблемы использования знания в обществе является высокий методологический статус в рамках неоавстрийской теории концепции неосведомленности.

Неосведомленность означает незнание принимающим решения лицом таких обстоятельств места и времени, таких возможностей, которые имеют значение с точки зрения достижения его целей, даже если человек стремится рационально (обдуманно) принимать решения. Использование пары понятий «несведомленность» — «знание» принципиально важно, поскольку конкуренция — процесс движения от неосведомленности к знанию о новых возможностях использования известных ресурсов, новых ресурсов, позволяющих создавать новую стоимость. Процесс получение такого знания — важнейший компонент конкуренции.

Изменение границы между знанием и неосведомленностью для действующих лиц — важнейший спутник конкуренции. При этом понимание значения такой границы в контексте индивидуального поведения экономических агентов является отличительной чертой неоавстрийцев. В экономической теории информации, основанной на сохранении оптимизационной логики индивидуального выбора, также присутствует разграничение между знанием и незнанием. Однако в отличие от неоавстрийцев для экономической теории информации ресурсы, которые используются для получения знания о возможностях получения экономической прибыли, обладают альтернативной стоимостью⁶⁹. Процесс получения информации аналогичен другим видам процесса производства и никогда не связан с неожиданностями (сюрпризами). Строго говоря, открытие (discovery) как смысловое ядро конкурентного процесса в неоавстрийской теории является чем-то средним между результатами систематического поиска, когда экономический агент получает недостающую информацию, о природе которой он осведомлен, и свалившейся с неба прибылью (windfall), которая не требовала проявления свойств, характерных для предпринимателя⁷⁰.

Аналогичная проблема возникает в связи с построением моделей, основанных на предпосылке об асимметрии информации. Известно, что асимметрия информации порождает два класса проблем — ухудшающий отбор (adverse selection) и субъективный (моральный) риск (moral hazard). Рассмотрим сначала данный вопрос на примере проблемы ухудшающего отбора. Принципал (доверитель) может не знать значимые для него характеристики данного конкретного агента,

⁶⁹ *Стиглер Дж.* Экономическая теория информации // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 507–529.

⁷⁰ *Kirzner I. M.* Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. Vol. 35. No 1. Mar., 1997. P. 72.

но в то же время у него, согласно стандартным моделям управления поведением исполнителя, есть информация о свойствах функции распределения агентов на конкретном рынке. Сторонник неавстрийского подхода согласится, что принципал не знает не только характеристик отдельно взятого агента. Однако он добавил бы, что принципал не может иметь представлений и о распределении агентов между разными типами — и даже о самом наборе возможных типов агентов.

Применительно к товарным рынкам наличие неосведомленности фактически означает, что существуют возможности извлечения экономической прибыли, которые участниками экономических обменов до поры до времени остаются незамеченными. Отсутствие неосведомленности эквивалентно отсутствию возможностей не только открытия, но даже и ранжирования альтернатив для принимающего решения лица. Вот почему в условиях полной осведомленности участников обмена конкуренция оказывается невозможной.

Понятие неосведомленности о наличных, но скрытых (не воспринимаемых, но выявляемых в результате действий предпринимателя как ожидаемый, но не специфицированный *ex ante* результат) возможностях дополняется в неавстрийской традиции неосведомленностью во времени — незнанием тех последствий, к которым приведут действия принимающего решения лица в контексте одновременной деятельности множества других людей. Сказанное не означает, что с точки зрения неавстрийской школы в экономических обменах вообще ничего невозможно предсказать. Речь идет лишь о существовании непредсказуемого, которое существенно для действующих лиц. С этой точки зрения неосведомленность тесно связана с результатами конкуренции — непредвиденными и неожиданными. Здесь важно подчеркнуть, что сама по себе непредсказуемость будущего (как невозможность спецификации возможного набора событий) может быть вполне ожидаемой и очевидной для действующих лиц. Однако в логике неавстрийских исследований абсолютно не вписывается неоклассическая модель поиска информации⁷¹, где агент сопоставляет издержки на поиск и приобретение информации и ожидаемый выигрыш от использования информации. Однако это еще не все...

На первый взгляд кажется, что постановка вопроса о неосведомленности неавстрийского индивида хорошо описывается в терминах неопределенности, модели индивидуального выбора в условиях которой являются одной из наиболее развитых в неоклассической экономической теории. Сделаем оговорку — пусть неосведомленность эквивалентна неопределенности по Найту, а не риску, когда известны объективные вероятности наступления разных вариантов будущих событий⁷². Однако на самом деле неосведомленность не сводится к неопределенности не только в традиционном неоклассическом понимании, но даже к параметрической неопределенности, которую Фрэнк Найт считал истинной

⁷¹ См.: *Стиглер Дж.* Там же.

⁷² См., например, обзорную статью: [*Шумейкер П.* Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты, пределы возможностей // *THESIS.* 1994. Вып. 5. С. 29–80].

неопределенностью. Неосведомленность в понимании неоавстрийской школы предполагает, что элементарные события не специфицированы и, соответственно, не представляется возможным установить ценность инвестиций в получение достоверной информации. А это — характеристика структурной неопределенности⁷³, в рамках которой лицо, принимающее решение, видит и, соответственно, способно специфицировать только часть вероятных исходов, тогда как остальные попадают в разряд *стратегических неожиданностей*.

Сам действующий субъект может осознавать, что в будущем могут произойти события, о которых он не знает, но которые вместе с тем могут оказать значительное влияние на вероятность достижения его целей. Вот почему характеристики индивидуального поведения включают не только рациональность, неосведомленность, но и обучение (в том числе через накопление опыта). Последнее имеет принципиальное значение для адаптируемости к изменяющимся и в значительной мере непредсказуемым обстоятельствам.

Подводя итог: конкуренция — процесс, посредством которого происходит смещение границы между неосведомленностью и знанием, однако ни затраты, ни выигрыши, ни сам момент приобретения знаний не может быть оценен *ex ante*, а следовательно, не может выступать объектом рационального — в том смысле, как эта концепция используется в неоклассике, — выбора.

Конкуренция и рациональность

«Рациональность» — фундаментальное понятие в экономической теории, в котором устанавливается соответствие между целями действующего лица и средствами его достижения, допускающими различные варианты их использования. Несмотря на сравнительную тривиальность определения, с использованием данного понятия связано множество методологических проблем. Достаточно отметить многообразие видов рациональности, в том числе разграничение ее на функциональную и инструментальную; полную, переменную и ограниченную; процедурную и субстантивную и т. п.⁷⁴

Традиционные представления о рациональности выбора в рамках неоклассического подхода основаны на применяемой в экономической теории оптимизационной технике, в рамках которой субъективные критерии рационального выбора не имеют принципиального значения. В этом плане рациональность оказывается инструментальной. Таким образом, возникает возможность рассмотрения конкуренции как условий и результата в связке с инструментальной рациональностью, исключая конкуренцию как процесс. Иными словами, ин-

⁷³ Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2002. 3-е изд. С. 83–84; Шаститко А. Е. Модели человека в экономической теории: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2006. С. 64–70; Langlois R. N. Rationality, institutions and explanation // Economics as a Process. Essays in the New Institutional Economics, ed. by R. N. Langlois. Cambridge. 1990. P. 225–255.

⁷⁴ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998; Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Т. 1. № 3. С. 16–38; Шаститко А. Е. Модели человека в экономической теории: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2006.

струментальность рациональности если не исключает, то делает излишними попытки раскрыть «процессную» природу конкуренции.

С точки зрения неоавстрийского подхода рациональность человека не может рассматриваться в терминах оптимизации, поскольку то, что является неотъемлемым элементом оптимизационной задачи, — цены, количество, а также другие значимые аспекты выбора (время, качественные характеристики товаров и т. п.), — формируется *в ходе* функционирования рынка. Важно отметить, что для понимания природы конкуренции в рамках неоавстрийского подхода недостаточно сменить предпосылку о полной рациональности на допущение об ограниченной рациональности. Принципиальное значение имеет такая характеристика действующего на рынке субъекта, как неосведомленность о различных обстоятельствах, которые имеют значение с точки зрения достижения им своих целей. Причем неосведомленность человека также может быть результатом рационального выбора (что в определенном смысле соотносится с принципом определения оптимальных затрат на получение информации в экономической теории информации⁷⁵).

Между тем соотношение между конкуренцией и рациональностью как степенью продуманности варианта выбора далеко не так тривиально, как это выглядит в контексте моделей конкуренции, являющихся элементами теории цены. Действительно, если конкуренция слабая, то участники принимают решения не на пределе возможного (например, не используют все возможности экономии издержек в концепции X-неэффективности Лейбенштайна⁷⁶). Это объясняется тем, что сам процесс принятия решения не является бесплатным и требует не только времени, но и достаточно серьезного эмоционального напряжения. Соответственно чем менее негативными являются ожидаемые последствия экономии на обдумывании, тем слабее стимулы рационализировать, то есть выявить и сопоставить альтернативы.

Однако интенсивность конкуренции одновременно может и ограничивать возможности для обдумывания как дискреционного процесса благодаря повышению альтернативной ценности времени. В свою очередь, это ведет к замещению рационального принятия решений интуитивным, которое, используя сравнительный анализ когнитивных систем, предложенный Дэвидом Канеманом⁷⁷, обладает не только возможностями концептуального представления и кодификации (как обдумывание), но и может осуществляться быстрее, параллельно, а во многих случаях — без специальных усилий. Это — возможный прямой эффект конкуренции. Однако конкуренция может иметь и противоположный эффект, который связан с расширением возможностей обдумывания на основе разработки и применения специальных технологий, алгоритмов принятия

⁷⁵ См.: *Стиглер Дж.* Там же.

⁷⁶ *Лейбенштайн Х.* Аллокативная эффективность в сравнении с X-эффективностью // Вехи экономической мысли. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 477–505.

⁷⁷ *Kahneman D.* Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. 2003. December. Vol. 93. No 5. P. 1449–1475.

решений. В определенной мере расширение сферы рациональных решений за счет интуитивных соответствует такой конструкции, как «процедурная рациональность», в соответствии с которой алгоритмизированное принятие решений и действия замещают дискреционные.

Вместе с тем с точки зрения *результата* решения действительно оказываются более рациональными, даже если в их принятии задействована большая доля интуиции. В этом плане рациональность оказывается синонимом эффективности (или оптимальности). Однако возможны ситуации, в которых обдумывание не используется или используется недостаточно не потому, что нет *времени* на обдумывание, а потому, что нет *стимулов* выявлять и сопоставлять доступные по ресурсам альтернативы. В свою очередь, стимулов нет потому, что те, кто должен затрачивать усилия на принятие рациональных решений, не рассчитывают получить за это устраивающее их вознаграждение. Значительная часть таких ситуаций ассоциируется с внешними для участника рынка ограничениями конкуренции⁷⁸. *Конкуренция связана с более рациональными действиями, определенными в терминах результатов, хотя и нет взаимоднозначного соответствия между силой конкуренции и продуманностью действий участников рынка.* Данный вывод, строго говоря, больше соответствует подходу неоавстрийцев, которые следовали логике органической рациональности⁷⁹, или рациональности процесса.

Представление об осведомленности и рациональности играет существенную роль для применения антимонопольного законодательства. Концептуальная основа антимонопольной политики предполагает, что ограничивающие конкуренцию участники рынка могут оценить эффект своих действий. Более того, такими способностями обладают и другие участники рынка, которые в состоянии идентифицировать действия соперников и поставщиков и их воздействие на условия своих собственных решений. Следовательно, другие участники рынка могут оценить, насколько действия контрагентов и конкурентов влияют на условия конкуренции. Такое представление абсолютно неприемлемо для неоавстрийской школы. Оно может выглядеть неоднозначным и с точки зрения новой институциональной экономики. Однако новая институциональная экономика, в отличие от неоавстрийцев, не считает битву за возможности участников рынка рационально принимать решение заведомо проигранной.

⁷⁸ В этом контексте типичным примером выглядит тезис о недостаточной инновационности российского малого бизнеса и о том, что лишь незначительная часть существующих альтернатив извлечения прибыли им на практике используется. Однако кто выглядит рациональным в России — предприниматель, не выходящий за пределы освоенной им ниши рыночных и социальных контактов, или предприниматель-новатор? В действительности «отказ от новаторства» может быть результатом вполне рационального решения в условиях сильных внешних ограничений на добросовестное предпринимательство (в терминах экономической политики — необоснованных административных ограничений предпринимательства).

⁷⁹ Об органической рациональности см., например: [Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: 1996. С. 96–97].

В этом контексте любопытна оценка такого компонента антимонопольной политики, как адвокатирование конкуренции⁸⁰. Основное содержание адвокатирования конкуренции — продвижение в обществе идей конкуренции, убеждение участников рынка в том, что конкуренция приносит им выигрыши. В рамках неоклассического подхода к конкуренции смысл адвокатирования непонятен: коль скоро экономические агенты в состоянии оценить свои возможные выигрыши при альтернативных вариантах структуры рынка, расходы на адвокатирование конкуренции предстают как прямая растрата ресурсов. С точки зрения подхода новой институциональной экономики адвокатирование конкуренции выглядит вполне оправданным. С точки зрения законодательства информирование участников рынка снижает издержки правоприменения. Экономистам неоавстрийского направления, казалось бы, идея адвокатирования конкуренции также должна быть близка — учитывая, что работы Ф. Хайека и Л. Мизеса представляют собой гимн конкурентному порядку. Однако неоавстрийцы не поддерживают деятельность по адвокатированию конкуренции, хотя и с иных позиций, нежели экономисты неоклассического направления. Аргументы в защиту конкуренции, с их точки зрения, могут быть только частью политики манипулирования, но по определению не могут быть элементом информирования участников рынка, поскольку достоверная информация недоступна никому — и в первую очередь государственным органам, по определению.

Скептицизм неоавстрийцев распространяется не только на антимонопольную политику, но и на конкурентную политику в целом⁸¹. Если неоклассические модели отталкиваются от предположения, что все участники рынка знают возможные выигрыши и издержки при любом состоянии мира (при любой структуре рынка), то, с точки зрения неоавстрийцев, этих выигрышей и издержек знать не может никто, и в наименьшей степени — орган государственной власти. В этом контексте он не обладает моральным правом судить о предпочтительном состоянии структуры рынка, а следовательно, выносить оценочные суждения о структуре рынка и действиях его участников.

Конкуренция, нововведения и предпринимательство

В соответствии с подходом, предложенным Израэлем Кирнцером, предпринимательская деятельность по определению конкурентна и является неотъемлемой характеристикой конкурентного рыночного процесса. Вот почему

⁸⁰ Шаститко А. Е., Авдашева С. Б. Адвокатирование конкуренции как часть конкурентной политики // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 109–121.

⁸¹ Напомним, что в состав антимонопольной политики традиционно включают деятельность по пресечению и предотвращению злоупотреблений доминирующим положением, сговоров и согласованных действий, а также контроль сделок экономической концентрации, которые могут привести к ограничению конкуренции. Иными словами, антимонопольная политика — часть защитной (пассивной) конкурентной политики, поскольку в нее не включено противодействие недобросовестной конкуренции. В свою очередь, адвокатирование конкуренции — элемент активной конкурентной политики наряду с действиями, направленными на создание рынков посредством реструктуризации регулируемых отраслей, в первую очередь отраслей с естественно-монопольным компонентом.

концепция предпринимательской функции критически важна для понимания конкуренции. Для объяснения взаимосвязи конкуренции и предпринимательства далее будет сформулировано несколько важных тезисов относительно сути предпринимательской функции и характеристик их носителей.

Фигура предпринимателя в экономической теории, пожалуй, одна из самых неоднозначных и вызывающих наибольшие разногласия среди представителей различных традиций в экономических исследованиях. Особенно это заметно, если сравнить представления о предпринимателе с такими действующими лицами, как потребитель и собственник ресурсов (капитала, земли, труда). Не случайно в стандартных учебниках по экономической теории трудно обнаружить более или менее систематическое изложение проблематики предпринимательства в отличие от проблематики потребительского выбора и формирования предложения ресурсов. В нашу задачу не входит обзор теорий предпринимательства. Мы лишь обозначим некоторые аспекты, которые важны для понимания сути предпринимательства в контексте конкуренции для неаустрийской школы. Но прежде отметим, что именно действия человека в условиях структурной неопределенности требуют использования воображения и решительности в осуществлении выбора, что оказывается излишним в ситуации с несовершенной информацией, по Стиглицу⁸².

Во-первых, в соответствии с представлениями Кирцнера предпринимательская функция логически не связана с обладанием той или иной собственностью (активами). В таком контексте — как это ни парадоксально⁸³ — можно обнаружить пересечения с подходом Карла Маркса в третьем томе «Капитала», в котором происходит разделение капитала на капитал-собственность и капитал-функцию⁸⁴. Осуществление предпринимательской функции возможно без наделенности предпринимателя активами. Необходимым условием предпринимательства является наличие неосведомленности у каждого из участников рыночного процесса хотя бы о части возможностей использования находящихся в их распоряжении активов. Открытие прибыльных возможностей — не результат поиска, который требует ресурсов, оцениваемых в терминах альтернативной стоимости⁸⁵, а результат проявленной бдительности, которая позволяет увидеть то, что и так было доступно, то есть «находилось под носом», так что достаточно было лишь заметить⁸⁶.

Во-вторых, функция предпринимателя может быть объяснена в терминах арбитража (пространственного и межвременного), прибыльное использование

⁸² Stiglitz J. Whither socialism? Cambridge, MA and London, England: MIT Press, 1994; Stiglitz J. Information and the change in the paradigm in Economics. Prize Lecture. 2001. December, 8.

⁸³ Парадоксальность состоит в том, что Карл Маркс и Израэль Кирцнер — исследователи, принадлежащие не только к разным эпохам в развитии экономической теории, но и к конкурирующим традициям, особенно с точки зрения нормативной части теории.

⁸⁴ См.: Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1983. Т. 3.

⁸⁵ См.: Стиглер Дж. Экономическая теория информации.

⁸⁶ Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. Vol. 35. No. 1. Mar., 1997. P. 72.

которого основано на выявлении неиспользованных возможностей согласования индивидуальных планов участников рынка. В этом контексте понимание предпринимательства близко концепции арбитража, легко вписывающейся в неоклассическую теорию. Действительно, на рынке, как правило, есть продавцы, продающие товары по более или менее низким ценам, а также покупатели, готовые заплатить за указанные товары более или менее высокие цены. Однако покупатели, готовые заплатить более высокую цену, могут не знать, что тот же товар можно приобрести по более низкой цене, так же как и продавцы, предлагающие товар по более низкой цене, могут быть не осведомлены о том, что их товар готовы приобрести по более высокой цене. Получение такого рода информации может быть слишком дорого (в смысле соотношения издержек получения информации относительно ожидаемого дополнительного выигрыша, оценить величину которого *ex ante* довольно проблематично).

Предпринимательская функция как раз и состоит в том, чтобы выявить такого рода покупателей и продавцов (носителей индивидуальных планов) и извлечь из этого прибыль, не нарушая при этом интересов каждого из действующих лиц, что является необходимым условием добровольного обмена. Однако в этом случае побочным результатом является производство предпринимателем экономически важной информации для остальных участников рынка об имеющихся возможностях использования находящихся в их распоряжении активов. Соответственно, если все возможности в ценах учтены, как это имеет место в условиях Парето-эффективного равновесия, пространство для реализации предпринимательской функции исчезает, так же как и возможность извлечения предпринимательского дохода. В этом смысле существует непреодолимое противоречие между неоклассической моделью общего равновесия и концепцией предпринимательства в неоавстрийской школе.

В-третьих, предприниматели — это люди, которых достаточно просто вычленишь из множества экономических агентов аналитически, но гораздо сложнее установить эмпирически. Это связано с тем, что принадлежность к группе менеджеров, рабочих, землевладельцев, потребителей, владельцев капитала не делает человека предпринимателем. Для этого он должен проявить собственную бдительность в обнаружении и использовании ранее скрытых возможностей применения активов. В той мере, в какой с этой задачей справляются капиталисты, рабочие, менеджеры, землевладельцы, их можно назвать предпринимателями.

В-четвертых, люди обладают разными способностями, в том числе и замечать такого рода возможности; с одной стороны, существуют стимулы к их выявлению (возможность получения прибыли), а с другой — эта прибыль достается далеко не всем. Существует возможность понести чистые убытки вследствие допущенной ошибки в результате чрезмерной решительности (самонадеянности). В этом смысле различная степень осведомленности участников рынка является отражением дифференцированности внимания (или восприимчивости, по Кирцнеру). Происхождение дифференцированности внимания как способно-

сти человека замечать возможности — отдельный вопрос. Здесь важно подчеркнуть, что набор альтернатив как определенное «меню» не является бесплатным в координатной сетке индивидуального выбора, что и предполагает вычленение предпринимателей из всего множества экономических агентов.

Предприниматели, обладая преимуществом в выявлении скрытых возможностей использования известных ресурсов или в создании новых ресурсов, тем самым двигают систему экономических обменов к равновесию в том смысле, что при прочих равных условиях в системе цен более полно учитываются набор ресурсов и множество альтернативных вариантов их использования. В этом плане сама по себе генерация скрытых возможностей остается за пределами внимания неоавстрийских исследователей в той мере, в какой не рассматриваются процессы изменения предпочтений, доступных технологий производства, набора и количества доступных ресурсов.

Комментируя необязательность вычленения предпринимательской функции в контексте обладания человеком теми или иными активами, следует обратить внимание на то, что в данном случае активы как понятие используются с содержанием, которое вкладывает в него право. Вместе с тем, если поставить вопрос несколько шире, то придется определить, что же именно дает предпринимателю способность заметить неиспользованные возможности. Видимо, это не только его уникальные свойства индивидуальности, но и еще понимание контекста, социализированность, которая для него является не чем иным, как компонентом человеческого капитала. Конечно, у этого капитала не так просто даже в аналитических целях вычленить альтернативную стоимость, как у других видов капитала, поскольку оценка упущенных возможностей оказывается крайне проблематичной. Однако постановка вопроса о превращении предпринимательской способности и распределении предпринимательской способности из экзогенной в эндогенную характеристику может несколько поменять представления о соотношении предпринимательства и конкуренции.

Обнаружение *скрытых* возможностей может быть тесно связано с созданием *новых* возможностей, которые в большей мере описываются в терминах теории экономического развития Шумпетера⁸⁷, но для целей объяснения сути неоавстрийского подхода также вполне подходят. В частности, организационные нововведения, которые позволяют перекомбинировать ресурсы, что повышает эффективность (производительность) их использования, но вместе с тем могут вести к ограничению конкуренции с точки зрения антимонопольных органов и суда, хотя являются не чем иным, как проявлением предпринимательства и, соответственно, конкуренции. В связи с этим исчерпывающий перечень запрещенных форм экономической организации (контрактации) позволяет минимизировать так называемые ошибки второго рода — установление как незаконных таких соглашений и действий участников рынка, которые в действительности являются законными и не ограничивают конкуренцию.

⁸⁷ См.: Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

В частности, введение ограничений на торговлю товарами конкурирующей марки может рассматриваться как такое институциональное соглашение в форме вертикального ограничения, которое позволяет повысить эффективность в части предоставления более качественных услуг по тем же ценам. Однако если в рамках чикагской традиции исследований нестандартной контрактации, так же как и традиции в рамках новой институциональной экономической теории, выявляются как отрицательные, так и положительные эффекты такого рода ограничений, то неоавстрийская школа не разработала собственных приемов. В целом это объясняется скептическим в принципе отношением к антимонопольному регулированию как способу улучшения результатов функционирования рынков — а следовательно, и к необходимости совершенствования его инструментов.

Для неоавстрийской школы осуществление предпринимательской функции является двигателем экономического развития. Она в принципе не ставит вопрос о возможном отрицательном воздействии предпринимательства на благосостояние. Напротив, для неоклассического направления такая постановка долгое время была традиционной — в особенности, когда речь идет о предпринимательстве в условиях монопольной власти. Такое различие в понимании роли предпринимательства отражается не только на методологическом статусе концепций конкуренции и монополии, но и на нормативной составляющей — наилучшего дизайна политики в отношении конкуренции.

Конкуренция в контексте взаимодействия между участниками рынка

Конкуренция и равновесие на рынке

Следуя логике неоавстрийского подхода, конкуренция — процесс, который существует только в неравновесной экономической системе в том смысле, что не все возможности использования ресурсов отражены в системе цен и, таким образом, учитываются в планах экономических агентов. Планы и ожидания экономических агентов оказываются согласованными лишь частично, что становится ясно в тот момент, когда они вступают друг с другом во взаимодействие — совершают сделки. Вот почему долгосрочное равновесие на рынке совершенной конкуренции — одна из аналитических конструкций в рамках неоклассической теории — рассматривалось как «противоречие в определении». Точно таким же противоречием в определении выглядит и равновесие по Нэшу как главный инструмент анализа проблем конкуренции в современной микроэкономической теории. Если не существует выгодного отклонения от избранной стратегии при данной стратегии другого участника стратегического взаимодействия, экономическое развитие должно остановиться.

Методологический статус рыночного равновесия в конструкциях неоавстрийцев характеризуется важной особенностью. Равновесие — не отправная точ-

ка в объяснении функционирования рынка с помощью метода сравнительной статистики, а результат (достижимый с разной вероятностью и различной степенью приближения) уменьшения неосведомленности участников рынка (нулевая неосведомленность — коррелят равновесия)⁸⁸. Те параметры, которые в неоклассике рассматриваются не просто как предпосылка, а как неотъемлемый квалифицирующий признак равновесия, в данном случае оказываются даже не результатом, а всего лишь *направлением* изменений на рынке, объясняемым действиями участников рынка.

Согласно представлениям неоавстрийцев рыночный процесс имеет место тогда и только тогда, когда решения и ожидания действующих на рынке лиц не совмещены, то есть результаты отклоняются от ожиданий, что заставляет в следующем периоде корректировать ожидания, решения, менять направление действий. Такого рода корректировка осуществляется в форме ревизии возможностей, открытых принимающим решения субъектам. В результате такого рода ревизии выясняется, что некоторые из возможностей были фантомными, а некоторые — не замеченными.

Само по себе выявление такого рода возможностей тесно связано с интересами действующих лиц, так как это — их индивидуально оцениваемые возможности, а не возможности общества в целом. Кроме того, ревизия возможностей направлена на то, чтобы увеличить чистый выигрыш, тем самым последовательно приближаясь к границам возможностей прибыльного ведения дел. Однако такого рода результат возможен в случае предложения более привлекательных условий другим участникам рыночного процесса, опережения своих конкурентов.

В случае если равновесие достигнуто, планы и ожидания согласованы, участники рынка не предлагают более привлекательные альтернативы, которые ранее оставались незамеченными, что означает: конкуренция перестала быть активной силой, а точнее, она просто исчезает. Между прочим, можно заметить, что в такой постановке вопроса количество участников рынка не имеет вообще никакого значения для оценки интенсивности конкуренции.

Равновесие является побочным и непредвиденным результатом взаимодействия множества действующих в собственных интересах лиц. Запланировать данный результат не представляется возможным в принципе ввиду неосведомленности участников, для которых открытие новых возможностей — сюрприз в том смысле, что ни один из участников не может *ex ante* специфицировать параметры «сюрприза».

Максимум что доступно — это объяснить полученные результаты задним числом. Такое свойство равновесия является основанием для далеко идущих выводов в отношении экономической политики в сфере защиты конкуренции. Следует обратить внимание, что в этом вопросе неавстрийская школа смыкает-

⁸⁸ Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. Vol. 35. No 1. Mar., 1997. P. 62.

ся с новой институциональной экономикой. В той мере, в какой модели в рамках новой институциональной экономической теории содержат меньше признаков гибридных моделей (комбинируются допущения о полной и ограниченной рациональности, нулевых и положительных трансакционных издержках в различных измерениях экономических обменов⁸⁹), чем дальше они от стандартных неоклассических приемов, тем в меньшей степени данные конструкции опираются на концепцию равновесия и в большей мере — на описание характеристик процесса координации. Не случайно в теории трансакционных издержек, для которой ключевой проблемой является комбинирование настройки стимулов с выработкой адекватных механизмов адаптации экономических агентов к изменяющимся обстоятельствам, сравнительный анализ механизмов управления трансакциями как дискретных структурных альтернатив — ядро методологии⁹⁰.

В процессе конкуренции происходит изменение условий рыночных обменов, в частности, по издержкам производства как сопряженный с реструктуризацией производственных мощностей процесс. Именно на это обстоятельство обращают внимание исследователи, показывая отличие конкуренции как состояния дел, определенного в терминах равновесия, и конкуренции как неравновесия.

Концепция рыночного равновесия тесно связана с вопросами рыночной структуры. Как ни парадоксально, в этом вопросе объект критики неоавстрийской школы — не мейнстрим неоклассического направления, а гарвардская школа, гораздо слабее с ним связанная. В ранней (гарвардской) школе, работавшей в программе «структура — поведение — результат», характеристики равновесия рассматривались как итог функционирования определенной структуры рынка. Именно эта программа исторически была центральным объектом критики со стороны неоавстрийцев (заметим, что в варианте гарвардской школы она отвергается и большей частью неоклассического направления). Современная теория организации отраслевых рынков давно уже не разделяет постулат, что зависимость односторонняя: структура рынка определяет поведение и тем самым характеристики результатов (цены, количество, эффекты благосостояния). В современной теории отраслевых рынков все большее место занимают модели, где структура рынка формируется под воздействием решений его участников. Именно этот подход является более близким к пониманию конкуренции как процесса самими неоавстрийцами. Те параметры, которые в исследовательской программе SCP (structure-conduct-performance) принимались как экзогенные, оказываются результатами действий участников рынка: например, издержки производства, связанные с применяемыми технологиями, используемыми формами экономической организации.

⁸⁹ *Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2002. 3-е изд. С. 541–542.

⁹⁰ *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996; *Шаститко А. Е.* Дискретные институциональные альтернативы в контексте дерегулирования экономики // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 94–110.

Соответственно для представителей неоавстрийской школы коллективные действия, в том числе в рамках антимонопольной политики, направленные на установление и контроль параметров, которые являются во многом результатом предпринимательской деятельности, негативно сказываются на самом предпринимательстве, ослабляя и искажая стимулы.

Таким образом, понимание конкуренции в неоавстрийской традиции возможно только в рамках неравновесного рынка. Фиксация равновесия равнозначна отсутствию конкуренции. Вот почему так сложен диалог между неоавстрийской школой и современными моделями конкуренции, составляющими концептуальную основу конкурентной политики, для которых равновесие по Нэшу — центральный инструмент анализа.

Конкуренция и монополия

Соотношение конкуренции с другими важными аналитическими конструкциями неоавстрийской школы дает ключ к пониманию радикального противоречия неоавстрийцев и неоклассической школы по вопросу о монополии.

С точки зрения неоавстрийцев, до тех пор, пока сохраняется свобода покупки и продажи на основе специфицированных и защищенных прав собственности, сохраняется рыночный процесс, а сохранение рыночного процесса означает конкуренцию (согласно принятому рабочему определению). В таком контексте рассматриваемая в экономической теории монополия (как особая структура рынка, изучением которой занимаются все студенты, в чью программу обучения входит курс микроэкономики) — миф, поскольку даже монополист в неоклассическом понимании сталкивается с необходимостью выявления скрытых возможностей, не отраженных в текущих ценах как средство уравнивания рынка⁹¹.

Сказанное не означает, что монополия вообще не занимает внимания неоавстрийцев. Монополия — противоположность конкуренции, и в этом — основание подхода к определению монополии и соответствующим нормативным выводам со стороны неоавстрийской школы. Конкуренция представляет собой процесс, в рамках которого экономические агенты (предприниматели) предлагают более привлекательные альтернативы своим контрагентам, тогда как ограничение такого рода возможностей и есть не что иное, как монополизм⁹². Вот почему основной источник рукотворного монополизма — государство, которое посредством регулирования устанавливает ограничения на выбор альтернатив. Арментано таким образом формулирует гипотезу в отношении монополизма и роли государства: «...предпринимательская монополия вообще не является про-

⁹¹ Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. 1997. Mar., Vol. 35. No 1. P. 69.

⁹² Арментано Д. Антитраст против конкуренции. М: ИРИСЭН, 2005. С. 78.

блемой свободного рынка, а возникает вследствие вмешательства государства в дела бизнеса»⁹³.

Однако невозможность частной монополии на рынке конечного продукта не означает невозможность частной монополии в принципе. Для неоавстрийцев принципиально важным является разграничение между монополизмом производителя как производителя товара (услуги) и монополизмом производителя как собственника ресурса. Это различие проявляется в значительно различающихся нормативных оценках двух видов аналитических конструкций. Иными словами, легитимной оказывается конструкция ресурсной монополии, тогда как «продуктовая монополия» (естественно, на нерегулируемом государством рынке) — миф.

Едиличный контроль над ресурсом, без которого невозможно (не технологически, а экономически: слишком дороги заменители) производство определенного набора товаров и услуг, создает возможности извлечения прибыли, являющейся монопольной, а не предпринимательской. В отличие от монопольной предпринимательская прибыль является неустойчивой и преходящей, и для ее получения необходимо предпринимать постоянные усилия по выявлению и созданию новых возможностей / комбинаций ресурсов с тем, чтобы результаты были более привлекательны для контрагентов.

Не случайно неоавстрийцы гораздо более благожелательно относятся к концепции состязательных рынков, разработанной Баумодем, Уиллигом и Панцаром, чем к любой другой теории рынка неоклассического направления. Привлекательным является ядро концепции — возможность свободного входа на рынок обеспечивает желаемое состояние (включая выигрыши покупателей) вне зависимости от количества действующих на рынке участников⁹⁴.

Аналогом (хотя и далеко не полным) концепции ресурсной монополии в современной теории регулируемых отраслей является концепция ключевых мощностей, довольно широко используемая в современной теории регулирования отраслей с естественно-монопольной составляющей. Важно учитывать два свойства ключевых мощностей:

- ресурс (актив), относящийся к категории ключевых мощностей, необходим для производства соответствующего товара (как, например, нефть для нефтепродуктов, слоты для пассажирских авиаперевозок, передающие и распределительные сети для электроснабжения);
- невозможность (экономическая нецелесообразность) дублирования мощностей, что предопределяет их использование единственным оператором.

⁹³ Там же. С. 96.

⁹⁴ Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. 1997. Mar., Vol. 35. No 1. P. 94.

Исключительные права на ключевые мощности обеспечивают решающие конкурентные преимущества их обладателю, если только они не могут быть разделены между конкурентами⁹⁵.

Если использовать концепцию ключевых мощностей, диалог между традиционными экономистами и неоавстрийцами становится возможным. Однако исход диалога зависит в том числе от идентификации происхождения ключевых мощностей. В этом плане следует различать ключевые мощности, права на которые получены от государства, и те, которые получены в результате частных инвестиций⁹⁶.

В первом случае выработка правил размещения ресурсов, использование которых оказывает существенное влияние на конкуренцию, в принципе может быть одобрено как новыми институционалистами, так и неоавстрийцами. Обе эти школы способны поддержать логику руководителя ФАС И. Ю. Артемьева: если один-два человека контролируют разведанные запасы меди, никеля или платины, а существующие технологии производства товаров не позволяют обойтись без этих металлов, не снижая существенно качества, то можно говорить о наличии монопольной власти⁹⁷ — и государство должно предпринимать усилия по ограничению такой власти мерами конкурентной политики. В этом контексте представители неоавстрийской школы, по всей видимости, должны положительно оценивать усилия ФАС России расширить сферу деятельности антимонопольного законодательства на размещение природных ресурсов, а в нормативные акты, регламентирующие правила распоряжения и использования природных ресурсов, ввести нормы, нацеленные на обеспечение конкуренции.

Гораздо сложнее наладить диалог в отношении ключевых мощностей как активов оператора естественно-монопольного вида деятельности в регулируемых отраслях. С точки зрения неоавстрийской школы само представление об экономических основах выделения естественно-монопольного вида деятельности является ложным⁹⁸. Режим естественной монополии — это результат сговора между государством и компаниями, пожертвовавшими правом назначать свободные цены в обмен на гарантию ограничения входа и возмещения издержек, включающих нормальную прибыль. В этом пункте позиции неоавстрийских экономистов и представителей экономической теории регулирования расходятся весьма существенно. При этом парадоксально, но даже попытки внедрить конкуренцию на рынки естественной монополии, требующие радикальной ре-

⁹⁵ В нашу задачу не входит подробное обсуждение этого важного вопроса, поскольку для этого необходимо более детальное изложение концепции ключевых мощностей, о чем более подробно см., например: [Motta M. Competition Policy. Theory and Practice. Cambridge University Press. 2004. P. 66–68].

⁹⁶ См. там же.

⁹⁷ В связи с этим весьма показательными представляются изменения в российском антимонопольном регулировании, сфера которого распространена на отношения по поводу использования природных ресурсов.

⁹⁸ DiLorenzo T. The Myth of Natural Monopoly. The Review of Austrian Economics. 1996. Vol. 9. No 2. P. 43–58.

формы режима регулирования⁹⁹, представителями неоавстрийской школы расцениваются сугубо отрицательно, как продолжение решения проблем негодными средствами.

Таким образом, основная особенность неоавстрийского подхода к установлению соотношения конкуренции и монополии состоит в том, что источники монополии неоавстрийцы видят во внешних по отношению к функционированию рынка причинах — государственном вмешательстве, обладании не только исключительными, но и монопольными правами на природные ресурсы, необходимые для производства соответствующих товаров и услуг. Само по себе свободное функционирование рынка по природе своей конкурентно, и с этой точки зрения представление о частной монополии как источнике потерь общественного благосостояния не имеет оснований.

Антимонопольная политика

Одна из самых важных и вместе с тем чувствительных для неоавстрийцев тем — нормативные приложения разрабатываемых ими концепций, в том числе концепции конкуренции. Начнем с констатации, что неоавстрийцы всегда находились в оппозиции неоклассической исследовательской программе, изучавшей проблемы экономической политики и особенно конкурентной политики, вне зависимости от того, доминировал ли в исследованиях проблем конкуренции гарвардский, чикагский или постчикагский подход. Именно работы неоавстрийской школы содержат негативные оценки результативности антимонопольной политики с точки зрения развития конкуренции как средства экономического развития¹⁰⁰.

На наш взгляд, частично это связано с противоречием основополагающих представлений двух школ, а частично — с элементарным непониманием. Представители неоавстрийской школы по-прежнему считают, что в основе своей все построения, связанные с выработкой мер антимонопольной политики, отталкиваются от модели совершенной конкуренции¹⁰¹. В действительности подавля-

⁹⁹ См., например: *Королькова Е. И.* Естественная монополия: регулирование и конкуренция. [Курс лекций] // Экономический журнал ГУ-ВШЭ, 2000. Т. 4. № 2. С. 235–273; Т. 4. № 4. С. 528–551; 2001. Т. 5. № 1. С. 83–112. *Авдашева С. Б., Шаститко А. Е.* Развитие конкуренции в отраслях с естественно-монопольным компонентом: основания, варианты, ограничения // Доклады РЕЦЭП. 2005. № 4 (8).

¹⁰⁰ См.: *Арментано Д.* Антитраст против конкуренции. М: ИРИСЭН, 2005; *Boudreaux D., DiLorenzo T.* The Protectionist Roots of Antitrust // *The Review of Austrian Economics*. 1993. Vol. 6. No 2. P. 81–96; *DiLorenzo T.* The Origins of Antitrust Rhetoric vs Reality // *Regulation*. 1990. Vol. 13. No 3. См. также: [<http://www.cato.org/pubs/regulation/regv13n3/reg13n3-dilorenzo.html>].

¹⁰¹ См., например, [*Kirzner I. M.* Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // *Journal of Economic Literature*. 1997. Mar. Vol. 35. No 1. P. 94]. В такой оценке можно обнаружить основание для вопроса: является ли сказанное просто следствием значительных «трудностей перевода» в широком смысле слова между конкурирующими исследовательскими программами как между двумя значительно различающимися языками или современные модели действительно могут быть редуцированы к основополагающим элементам модели совершенной конкуренции.

ющее большинство экономистов, не принадлежащих к неоавстрийской школе, согласятся, что теория совершенной конкуренции как «теория классной доски» не имеет непосредственного отношения к современной антимонопольной политике.

Антимонопольная политика как совокупность правил и механизмов, обеспечивающих соблюдение запретов на совершение тех или иных действий на рынке, основана, по мнению неоавстрийцев, либо на неверном понимании природы конкуренции (это упрек в сторону других представителей экономической теории, чьи работы оказывают влияние на формирование антимонопольной политики), либо на искажающих условия конкуренции действиях государства. В российской экономической литературе в начале этого десятилетия также прозвучала критика в отношении антимонопольной политики и антимонопольного законодательства. Причем антимонопольная политика получила весьма жесткую квалификацию — «неопротекционизм»¹⁰².

Такое отношение к основаниям и возможностям антимонопольной политики оставляет немного пространства для обсуждения различий в понимании и направлений, и сфер применения, и методов антимонопольной политики. Все они рассматриваются как вредные для конкуренции. Например, избирательный антимонопольный запрет на слияния (реализуемый в рамках предварительного контроля слияний) интерпретируется просто как ограничение предпринимательской деятельности и тем самым квалифицируется как антиконкурентное действие *безотносительно* характеристик конкретного слияния или присоединения и возможных последствий для целевых рынков¹⁰³.

Аналогично расценивается запрет на картельные соглашения. Продемонстрируем оценку представителями неоавстрийской школы запрета на соглашения и санкций для его участников на конкретном примере. Одним из самых известных антимонопольных дел последнего десятилетия стало дело о «витаминном картеле». Восемь крупнейших мировых производителей витаминов за участие в сговоре о ценах были оштрафованы в совокупности более чем на 800 млн евро¹⁰⁴.

Неоавстрийцы расценивают это решение как один из многих примеров несостоятельности антимонопольного регулирования, поскольку оно было принято на необоснованном предположении о завышении цен участниками сговора, в то время как оценить уровень цен, который сложился бы на целевом рынке витаминов без сговора, не представляется возможным. Вмешательство антимонопольных органов интерпретируется как нарушение принципа свобо-

¹⁰² Новиков В. Влияние российского антимонопольного законодательства на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 33–48.

¹⁰³ Kirzner I. M. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. 1997. Mar. Vol. 35. No 1. P. 94.

¹⁰⁴ Aubert C, Rey P, Kovacic W. E. The impact of leniency and whistle-blowing programs on cartels // International Journal of Industrial Organization. 2006. Vol. 24. P. 1242.

ды договора¹⁰⁵. Используемая при этом программа ослабления наказания за нарушение антимонопольного законодательства¹⁰⁶ представляется исключительно как инструмент недобросовестной конкуренции, как способ «подставить» конкурента¹⁰⁷.

Вот почему разбор различий представлений неоавстрийской школы в отношении, например, вертикальных ограничивающих контрактов или молчаливого сговора, который мог бы стать предметом для сравнения гарвардского, чикагского или постчикагского подходов в теории отраслевых рынков, в данном случае не имеет достаточных оснований.

Смысловым ядром, вокруг которого строится дискуссия относительно оснований и возможностей антимонопольной политики в контексте взаимодействия конкурирующих исследовательских традиций, является концепция провалов рынка¹⁰⁸. Постановка вопроса о провалах рынка как таковая в целом противоречит неоавстрийскому подходу, тогда как в неоклассической традиции со времен работ Артура Пигу они считались основанием для вмешательства государства в экономические обмены. В этом смысле возможности компромисса между неоавстрийской, неоклассической и институциональной традицией по поводу возможностей и рамок антимонопольной политики выглядят эфемерными.

Нельзя не признать, что не только практика, но и принципы антимонопольной политики могут выглядеть неоднозначными не только с неоавстрийской точки зрения. Одна из наиболее сложных методологических и практических проблем — достаточно тривиальное концептуальное разделение защиты конкуренции и защиты конкурентов. Среди исследователей и политиков этот тезис («конкурентная политика должна защищать конкуренцию, а не конкурентов») хорошо известен. Его применение означает, что антимонопольная политика не должна использоваться как инструмент действий групп специальных интересов. Однако насколько этот принцип реализуем практически? Как и любая другая политика, которая предполагает установление правил и создание обеспечивающих их соблюдение механизмов (институтов), антимонопольная политика приводит к определенным распределительным последствиям, которые могут быть представлены как защита конкурентов.

¹⁰⁵ В терминах новой институциональной теории фактически это означает ограничение относительных прав собственности, специфицируемых в рамках соглашений между экономическими агентами, защита которых обеспечивается судом непосредственно или как последняя инстанция в случае возникновения споров между сторонами договора.

¹⁰⁶ Более подробно о данной программе см. [Шаститко А. Е. Экономические аспекты ослабления наказания за нарушение антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 68–79; Шаститко А. Экономика преступления и наказания в антитрасте: освобождение от ответственности. Бюро экономического анализа. М.: Промышленник России, 2008].

¹⁰⁷ Kim Y. Is the Vitamin Cartel a Threat? A case study of antitrust failure. Mises Institute. 2007 // www.mises.org/story/2601.

¹⁰⁸ Критический разбор взаимосвязи между антимонопольной политикой и провалами рынка, а также методами их компенсации представлен в [Meese A. J. Market failure and non-standard contracting: how the ghost of perfect competition still hounds antitrust // Journal of Competition Law and Economics. 2005. Vol. 1. P. 1–25].

Реконструируя логику неоавстрийского подхода, можно показать, что специальная защита конкуренции со стороны государства приводит к ограничению конкуренции, то есть к обратным результатам (своеобразный «эффект кобры»), из чего следует общий мировоззренческий вывод о том, что антимонопольная политика не нужна для исправления рыночных изъянов.

В отличие от проблемы антимонопольного законодательства в целом сопоставление представлений разных школ об отдельных инструментах антимонопольной политики имеет определенную перспективу. Сравнивая две исследовательские традиции — неоавстрийскую и новую институциональную (в части теории трансакционных издержек), можно обнаружить, что в их рамках просматривается *разное отношение к правилам взвешенного подхода и запрету как таковому (rule of reason vs. per se rule)*. Напомним, что запрет как таковой в антимонопольном регулировании означает достаточность установления соответствия деятельности или соглашений, запрещенным в законе. Если такое соответствие установлено, субъекты, совершившие данные действия или заключившие указанные соглашения, признаются виновными в нарушении антимонопольного законодательства. В свою очередь, правило взвешенного подхода допускает ограничение конкуренции, если данная практика приводит к выигрышам потребителей и суммарный эффект от применения ограничений оказывается положительным (потери от ограничения конкуренции перекрываются выигрышами от повышения эффективности)¹⁰⁹. Установление разграничительной линии между двумя правилами упирается в проблему надежности информации о распределении выигрышей и издержек, а также о суммарных выигрышах при использовании различных видов ограничивающих контрактов или соглашений. Применение правила взвешенного подхода оправдано только в том случае, если мы верим в способность оценить выигрыши от применяемой практики. В свою очередь, оценка выигрышей от действий участников рынка должна опираться на представление о желаемом состоянии рынка.

И в рамках неоавстрийской традиции, и в рамках теории трансакционных издержек в явной форме ставится вопрос о том, каким образом урегулировать проблему неосведомленности (которая является, с некоторыми допущениями, коррелятом ограниченной рациональности в теории трансакционных издержек). Однако неоавстрийцы принципиально избегают определения некоторого идеального результата рыночного процесса по причине его непредсказуемости, тогда как подход, базирующийся на работах Уильямсона, не исключает определения такого идеального результата, хотя и ставит вопрос о возможности и необходимости учета этого результата в выстраивании политики в реальном мире¹¹⁰.

¹⁰⁹ См.: Авдашева С. Б., Алимова Т. А., Киселев А. Н. и др. Антимонопольное регулирование вертикальных ограничивающих контрактов. М.: Бюро экономического анализа: Теис, 2004.

¹¹⁰ Voigt S. Robust political economy: The case of antitrust // Review of Austrian Economics. 2006. Vol. 19. P. 210.

С кем спорят неоавстрийцы: развитие представлений о конкуренции в теории отраслевых рынков

Практика применения норм антимонопольного законодательства, по крайней мере со второй половины XX века, в большей или меньшей степени опирается на концепции, разрабатываемые в экономической теории. Особенно это хорошо видно в США, где доминирование гарвардской школы исследований по проблемам конкуренции и антимонопольной политики в 1960–70-е годы XX века сменилось сначала чикагской традицией, а затем на рубеже веков чикагская традиция стала вытесняться постчикагскими представлениями, в основе которых — разработки в области новой институциональной экономической теории. Мы не ставим себе целью подробно охарактеризовать развитие теории отраслевых рынков как направления экономических исследований и содержание дискуссий между разными школами. В то же время важно показать, что альтернативные неоавстрийскому подходу представления о рынке, конкуренции и роли антимонопольной политики существенно менялись. Анализируя взгляды представителей неоавстрийской школы, важно ответить на вопрос: обратили ли они внимание на смену оппонента — господствующего представления о механизмах конкуренции и инструментах конкурентной политики?

Отправной точкой развития современных представлений о конкуренции считается гарвардская школа. В рамках гарвардского подхода крупные участники рынка признавались заведомо обладавшими стимулами к ограничению конкуренции. Именно таким образом интерпретировалось эмпирически доказанное повышение прибыли продавцов, действовавших на высококонцентрированных рынках и обладавших высокой рыночной долей. Господству гарвардской школы в понимании поведения участников рынка соответствует господство правила *per se* (по букве закона) применения антимонопольных запретов. Такое положение складывалось в первые годы применения антимонопольного законодательства (начало XX века), когда высокая рыночная доля рассматривалась как достаточное основание для вывода о монопольной власти, а монопольная власть — как нелегальная. По крайней мере, некоторые решения судов (например, *Northen Securities*, *Standard Oil*) в начале XX века в США указывают на доминирование такого подхода¹¹¹. Аргументация в пользу действий компаний с высокой рыночной долей фактически не принималась судами во внимание¹¹².

В 1970-е годы гарвардский подход активно атакуется чикагской школой. Многообразие концепций чикагской школы опиралось на два общих пункта: (1) крупные компании и действия, традиционно рассматриваемые как ограничения конкуренции, могут сопровождаться повышением эффективности; (2) многие действия, рассматриваемые как инструмент ограничения конкурен-

¹¹¹ Арментано Д. Антитраст против конкуренции. М: ИРИСЭН, 2005. С. 90–124.

¹¹² Piraino T. Reconciling the Harvard and Chicago Schools: A New Antitrust Approach for the 21st Century // *Indiana Law Review*. 2007. Vol. 82. P. 345–409.

ции, в действительности не могут иметь таких последствий. Есть отрицательные последствия или нет — в каждом конкретном случае должен устанавливать специальный анализ. Именно в рамках данного периода наблюдается стремительное расширение применения правила взвешенного подхода¹¹³. Использование чикагской школы в качестве концептуальной основы применения антимонопольного законодательства имело два типа последствий. С одной стороны, конкретные решения по применению антимонопольного законодательства стали более обоснованными. С другой стороны, произошло ослабление сдерживающего эффекта антимонопольного законодательства благодаря снижению предсказуемости его применения.

Вместе с тем весьма показательно, что, несмотря на гораздо меньшую степень интервенционизма, чикагский подход точно так же подвергался критике со стороны неоавстрийцев, как и гарвардский. Ричард Познер и Роберт Борк — самые яркие представители чикагского подхода — были раскритикованы за их непоследовательность в деле защиты рыночных институтов. С точки зрения неоавстрийской школы позиция этих авторов именно в области антитраста противоречила их позиции в остальных сферах¹¹⁴. Если неоавстрийцы считают антимонопольную политику излишней, то чикагский подход лишь указывает на необходимость более точной квалификации практики участников рынка в конкретных делах.

С точки зрения неоавстрийцев, чикагский подход хотя и применяет конкурирующий с гарвардской школой вариант объяснения функционирования рынков, но действует при этом в рамках, по сути, той же рабочей модели индивидуального выбора. Наиболее наглядный пример — оптимизм представителей чикагской школы в отношении состязательных рынков, на которых отсутствие барьеров входа не дает возможности извлекать прибыль закрепившейся на рынке фирме, даже если в каждый данный момент не существует возможностей безубыточного функционирования на том же рынке двух и более фирм (условие субаддитивности издержек).

Тем более неприемлемым для неоавстрийской школы выглядит постчикагский подход, представляющий собой реакцию теории рынков на атаку чикагской школы. Постчикагский подход на новой методологической основе в определенном смысле восстанавливает выводы гарвардской школы — по крайней мере частично. Вспомним в качестве примера теорию вертикальных ограничивающих контрактов (и более конкретно — исключаящих контрактов). Гарвардской школой они рассматривались как способ укрепления монопольной власти производителя на смежном рынке. В антимонопольных делах применялся подход незаконности ограничивающих конкуренцию соглашений как таковых (*per se*). Авторы чикагской школы показали, что исключаящие контракты *не могут*

¹¹³ См., например: Правило взвешенного подхода в контексте административной реформы и дерегулирования экономики. М.: Теис, 2005.

¹¹⁴ *Block W. Total Repeal of Antitrust Legislation: A Critique for Bork, Brozen, and Posner // The Review of Austrian Economics. 1994. Vol. 8. No 1. P. 68.*

ограничивать вход на рынок, а следовательно — рыночную конкуренцию. Ряд более поздних (постчикагских) моделей показывают, что ограничение конкуренции благодаря использованию вертикальных ограничивающих контрактов — не обязательно, но при определенных условиях вполне возможно.

С точки зрения постчикагского подхода существует множество соглашений и действий, эффект от которых не позволяет презюмировать их легальность или нелегальность. Требуется углубленный анализ условий и ожидаемых последствий применения соглашений. С точки зрения неоавстрийской школы этот подход основан на слишком оптимистических оценках возможности получения и квалифицированного использования знания в принятии решений. Именно такая возможность оспаривается неоавстрийцами.

Заключение

Значение конкуренции для экономического развития не подвергается сомнению ни в рамках неоавстрийского, ни в рамках конкурирующих исследовательских традиций: неоклассической и новой институциональной. Отсюда общее понимание необходимости защиты конкуренции. Однако методы защиты конкуренции в рамках этих подходов принципиально различаются, что обусловлено существенными расхождениями в операциональном понимании и концептуальном представлении о конкуренции.

На первый взгляд главный камень преткновения в дискуссиях между неоавстрийской школой и представителями других направлений — это собственно антимонопольная политика. Сложность и противоречивость проблем, связанных с защитой и развитием конкуренции мерами антимонопольной политики, настолько высоки, что дало основание Алану Гринспену, главе Федеральной резервной системы США в конце XIX — начале XX века, сделать такое заключение относительно состояния дел в сфере антимонопольного регулирования:

«Мир антимонопольного регулирования напоминает Страну чудес: все вроде бы есть и в то же время не есть. Это мир, в котором конкуренцию превозносят как базовую аксиому и руководящий принцип, «но слишком большую» конкуренцию порицают за безжалостность. Это мир, в котором действия, направленные на ограничение конкуренции, считаются преступлением, если их предпринимают бизнесмены, и восхваляются как просвещенность, если их инициирует государство. Это мир, в котором закон столь неоднозначен, что бизнесмены никоим образом не могут узнать, будет то или иное действие объявлено незаконным, до того как услышат вердикт судьбы, постфактум»¹¹⁵.

В соответствии с подходом неоавстрийцев именно в рамках конкуренции как процесса происходят генерирование и передача релевантной информации, в том числе об издержках производства. Практически это означает: нельзя ис-

¹¹⁵ Гринспен А. Антимонопольное регулирование // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 32.

пользовать в функциональном плане для объяснения поведения то, что оказывается *непредвиденным* результатом взаимодействия. Вот почему бесперспективно рассматривать конкуренцию на основе моделей, где принимаются решения о ценах и выпуске.

Для понимания содержания конкуренции с точки зрения неоавстрийской школы важно, каким образом происходит изменение демаркационной линии между неосведомленностью и знанием, каким образом различия в бдительности (чуткости) обуславливают движение экономической системы к равновесию. Неожиданность, непредсказуемость (непрогнозируемость в плане установления конкретных параметров равновесия) результатов конкуренции как для исследователей, так и для самих участников ставит под вопрос возможности предвидения продуктовых, технологических, организационных изменений.

Отсюда — скептицизм в отношении возможности применения норм любого внешнего вмешательства в функционирование рынка, в первую очередь со стороны государства. Этот скептицизм в полной мере распространяется и на антимонопольное регулирование. В свою очередь, новый институционализм видит существенно меньше оснований для вмешательства со стороны государства под предлогом ограничения конкуренции участниками рынка, по сравнению с гарвардской школой как основой применения антимонопольного законодательства, однако не отвергает возможностей антимонопольной политики полностью. В этом фундаментальное различие между неоавстрийской и новой институциональной школами по вопросу о возможностях политики поддержки конкуренции.

Соотношение неоавстрийского подхода с неоклассическим и новым институциональным указывает на различное понимание пределов допустимого в активности государства. Там, где для одних действует презумпция нецелесообразности вмешательства государства (как, например, в случае с групповыми исключениями как частным случаем правила разумности), для других эта презумпция превращается в императив.

Антимонопольная политика не является исключением в ряду других проявлений активности государства, которые подвергаются критике со стороны неоавстрийского направления экономических исследований. Является ли такая позиция в отношении конкуренции и антимонопольной политики вопросом веры или знания, основанного на опыте? Ответ на данный вопрос так же не прост, как постановка решающего эксперимента в целях установить правоту в споре нескольких исследовательских программ. Возможно, что в части позитивной теории данные направления вообще не конкурируют, поскольку изучают разные вопросы. Однако даже если это так, в области нормативных положений прямого столкновения не избежать.

Дальнейшее обсуждение вопросов о различиях в понимании природы конкуренции, оснований и возможностей антимонопольной политики различными исследовательскими программами предполагает решение важной методологической проблемы. Эта проблема обозначена в самом начале статьи: упрощенное

понимание сути конкурирующих концепций создает основание для дискуссии не с реальными интеллектуальными конкурентами, а с фантомами как с одной, так и с другой стороны. При обсуждении каждой отдельно взятой проблемы необходимо в первую очередь договариваться об используемых понятиях и их содержании.

Список литературы

1. *Авдашева С. Б., Алимова Т. А., Киселев А. Н. и др.* Антимонопольное регулирование вертикальных ограничивающих контрактов. М.: Бюро экономического анализа: Теис, 2004.
2. *Авдашева С. Б., Шаститко А. Е.* Развитие конкуренции в отраслях с естественно-монопольным компонентом: основания, варианты, ограничения // Доклады РЕЦЭП. № 4 (8). М., 2005.
3. *Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
4. *Автономов В. С.* Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука, 1993.
5. *Арментано Д.* Антитраст против конкуренции. М: ИРИСЭН, 2005.
6. *Гринспен А.* Антимонопольное регулирование // Экономическая политика. 2007. № 3.
7. *Королькова Е. И.* Естественная монополия: регулирование и конкуренция [Курс лекций] // Экономический журнал ГУ-ВШЭ. 2000. Т. 4. № 2. С. 235–273; № 4. С. 528–551; 2001. Т. 5. № 1. С. 83–112.
8. *Лейбенштейн Х.* Аллокативная эффективность в сравнении с Х-эффективностью // Вехи экономической мысли. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2000.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. М.: Политиздат, 1983.
10. *Мизес Л.* Человеческое действие // Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
11. *Новиков В.* Влияние российского антимонопольного законодательства на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 33–48.
12. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Т. 1. № 3. С. 16–38.
13. *Стиглер Дж.* Экономическая теория информации // Вехи экономической мысли. Т. 2: Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 2000.
14. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
15. *Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // МЭиМО. 1989. № 12.
16. *Шаститко А. Е.* Дискретные институциональные альтернативы в контексте дерегулирования экономики // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 94–110.
17. *Шаститко А. Е.* Модели человека в экономической теории: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2006.

18. *Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд. М.: Теис, 2002.
19. *Шаститко А. Е.* Экономика преступления и наказания в антитрасте: освобождение от ответственности. Бюро экономического анализа. М.: Промышленник России, 2008.
20. *Шаститко А. Е.* Экономические аспекты ослабления наказания за нарушение антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 68–79.
21. *Шаститко А. Е., Авдашева С. Б.* Адвокатирование конкуренции как часть конкурентной политики // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 109–121.
22. *Шумейкер П.* Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты, пределы возможностей // THESIS. 1994. Вып. 5.
23. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
24. *Amendola M., Gaffard J. L., Musso P.* Innovation and Competition: The Role of Finance Constraints in a Duopoly Case // The Review of Austrian Economics. 2003. Vol. 16. No 2–3. P. 183–204.
25. *Aubert C., Rey P., Kovacic W. E.* The impact of leniency and whistle-blowing programs on cartels // International Journal of Industrial Organization. 2006. Vol. 24. P. 1242.
26. *Block W.* Total Repeal of Antitrust Legislation: A Critique for Bork, Brozen, and Posner // The Review of Austrian Economics. 1994. Vol. 8. No 1. P. 68.
27. *Boudreaux D., DiLorenzo T.* The Protectionist Roots of Antitrust // The Review of Austrian Economics. 1993. Vol. 6. No 2. P. 81–96.
28. *DiLorenzo T.* The Myth of Natural Monopoly. The Review of Austrian Economics. 1996. Vol. 9. No 2. P. 43–58.
29. *DiLorenzo T.* The Origins of Antitrust Rhetoric vs Reality // Regulation. 1990. Vol. 13. No 3.
30. *Hayek F.* Economics and Knowledge // *Economica*. 1937. Vol. 4. P. 33–54.
31. *Hayek F.* The Pretence of Knowledge. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. Prize Lecture. Lecture to the memory of Alfred Nobel. 1974. December, 11.
32. *Hayek F.* The Use of Knowledge in Society // American Economic Review. 1945. Vol. 20. P. 231–259.
33. *Kahneman D.* Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review. 2003. Vol. 93. No 5. P. 1449–1475.
34. *Kim Y.* Is the Vitamin Cartel a Threat? A case study of antitrust failure. Mises Institute. 2007.
35. *Kirzner I. M.* Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. 1997. Vol. 35. No 1. P. 72.
36. *Langlois R. N.* Rationality, institutions and explanation // Economics as a Process. Essays in the New Institutional Economics, ed. by R.N. Langlois. Cambridge. 1990. P. 225–255.

37. *Menard C. A.* New Institutional Economics of Organization. In: Handbook of New Institutional Economics. C. Menard and M. Shirley (eds). Springer, Netherlands, 2005. P. 281–318.
38. *Piraino T.* Reconciling the Harvard and Chicago Schools: A New Antitrust Approach for the 21st Century // *Indiana Law Review*. 2007. Vol. 82. P. 345–409.
39. *Stiglitz J.* Information and the change in the paradigm in Economics. Prize Lecture. 2001. December, 8.
40. *Stiglitz J.* Whither socialism? Cambridge, MA and London, England: MIT Press, 1994.
41. *Voigt S.* Robust political economy: The case of antitrust // *Review of Austrian Economics*. 2006. Vol. 19. P. 210.
42. *Williamson O.* Hierarchies, Markets and power in the Economy: An Economic Perspective // *Industrial and Corporate Change*. 1995. Vol. 4. No 5. P. 28.
43. *Williamson O.* Mechanisms of Governance. New York: Oxford University Press, 1996.